

УДК 94(47).02:930.1(09)''18/19''

*Е.Н. Дербин***ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ РУССКОГО ПРАВА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (I)**

Рассматривается проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков русского права Московского университета конца XIX – начала XX в. Анализируются такие институты верховной власти как княжеская власть, вече, княжеская дума и достаточно широкий круг связанных с ними историографических вопросов: происхождение и эволюция данных субъектов власти; их природа и характер; состав, источники, ресурсы, функции и объём власти; приобретение, преемственность и способы её осуществления; междукняжеские отношения и др. Прослеживается влияние на изучаемую проблему профессорско-преподавательского состава и научно-образовательного процесса в Московском университете дореволюционного времени. Отмечается отсутствие преемственности в подходах и взглядах историков-юристов данного вуза, изучавших историю государства и права домонгольской Руси. Делается вывод о вкладе каждого из них в исследуемую проблему.

Ключевые слова: верховная власть Древней Руси, княжеская власть, вече, княжеская дума, историки русского права Московского университета, С. А. Петровский, П. Н. Мрочек-Дроздовский, А. Н. Филиппов.

История верховной власти в Древней Руси за последнее время привлекает внимание все большего количества исследователей. Её актуальность особенно возросла в историко-юридической науке [18], которая традиционно слабо развивалась в данном направлении в предшествующий период. Однако было время, когда научная разработка истории русского права достигала огромных успехов. Главным образом они связаны с трудами историков-юристов, занимавших кафедры этой науки в университетах Российской империи в конце XIX – начале XX в., не утративших своего значения и спустя столетие. Недаром сегодня активно переиздаются крупнейшие труды В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова, Ф. В. Тарановского и др. Их творчеству посвящают диссертации. Однако до сих пор почти не подвергались специальному изучению взгляды историков русского права на проблему верховной власти в Древней Руси [1. С. 132-136, 139-140, 145-155]. Без этого невозможно ни представить данную проблему в историографии, ни использовать их достижения в изучении древнерусской истории.

Бурное развитие истории русского права как науки в изучаемое время было связано, с одной стороны, с эпохой Великих реформ Александра II. И, по свидетельству Б. И. Сыромятникова: «Освещив новым светом наше политическое прошлое, она дала нам возможность сознательнее отнестись к нему и шире поставить проблему о нем» [20. С. 5]. С другой стороны, создание специализированных кафедр в российских университетах по Уставу 1863 г. дало возможность воспитать целую плеяду историков-юристов, некоторым из которых удалось сформировать свои научные школы. При этом, по словам того же Б. И. Сыромятникова, «история государственной власти и, в частности, история организации верховной власти в России в связи с историей политической мысли и борьбы, в указанных условиях, понятным образом должны были с новою силою привлечь к себе внимание специалистов и общества» (Там же). Действительно каждый историк русского права не мог пройти мимо проблемы верховной власти в Древней Руси. Вокруг неё разгорались дискуссии, ей уделяли большое внимание в общих курсах, посвящали специальные исследования, поскольку происходившие государственные сдвиги естественно оживляли интерес к политическому прошлому в самых широких общественных кругах. Поэтому, казалось бы, ушедшая от «избитости» темы в предыдущий период борьбы непримиримых теорий славянофилов и западников, консерваторов, либералов и революционных демократов к вопросам позднейшей истории историческая наука конца XIX – начала XX в. углубилась в критическое изучение источников и представила новые выводы [16; 17. С. 7-8.]. Эти новые выводы и порой оригинальные наблюдения, как ни странно, привели исследователей к некоему обобщенному взгляду на политический строй Древней Руси, укоренившемуся в конце концов в учебной литературе.

Таким образом, главной тенденцией в изучении истории государства и права, как и в целом в отечественной историографии указанного периода, была исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава университетов [19. С. III, 29-30]. При этом необходимо заметить, что она формировалась в условиях господства на юридических факультетах в середине – второй полови-

не XIX в. либо историков русского права славянофильской направленности, пропагандировавших общинно-вечевое устройство Древней Руси, либо продолжавших традиции исторической школы права. Это, в свою очередь, влияло и на представителей государственного направления, и на сторонников сравнительно-исторического метода.

В крупнейшем среди научно-образовательных центров России того времени Московском университете кафедру истории русского права на юридическом факультете около 20 лет (1852–1873) занимал Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873), выдающийся историк, славянофил, знаток архивов и издатель многочисленных исторических материалов. Автор фундаментальных трудов по истории крестьянства, областной истории и др. Ему принадлежит одно из первых университетских пособий по предмету, который он называл «История русского законодательства». После И. Д. Беляева кафедре занимали его ученики Сергей Александрович Петровский (1846–1917) и Пётр Николаевич Мрочек-Дроздовский (1848–1919). Они были однокурсниками (1866–1870) и одновременно выдержали испытания на степень магистра государственного права (1872). Однако после смерти И. Д. Беляева (1873) именно С. А. Петровскому было предложено читать курс истории русского права. К тому же он раньше П. Н. Мрочек-Дроздовского защитил магистерскую диссертацию и стал доцентом (1875) [14]. Однако после годичной командировки за границу для научных занятий с середины 1877 г. по приглашению самого М. Н. Каткова С. А. Петровский стал сотрудничать в его газете «Московские ведомости», крупнейшей в России, отличавшейся консерватизмом и формально принадлежавшей Московскому университету [13]. Поэтому с октября 1877 г. чтение курса было продолжено П. Н. Мрочек-Дроздовским, как раз защитившим магистерскую диссертацию и ставшим доцентом (1876) [9]. Отныне в течение 25 лет до выхода в отставку в 1902 г. он будет занимать кафедру истории русского права и читать основной курс (до Уложения царя Алексея Михайловича), пройдя все ступени ученой карьеры в родном вузе и дослужившись до заслуженного профессора [11; 12]. Примечательно, но ни С. А. Петровский, ни П. Н. Мрочек-Дроздовский не явились непосредственными продолжателями трудов И. Д. Беляева. Концептуально, методологически и тематически их работы отличаются от сочинений своего учителя. Хотя и тот и другой всю жизнь чттили его память и не раз отмечали это [5. С. 3-4; 15]. Более того, взгляды С. А. Петровского и П. Н. Мрочек-Дроздовского по многим вопросам также не совпадали. Тем интереснее будет проследить сходство и различие их по проблеме верховной власти в Древней Руси.

Воззрения профессора П. Н. Мрочек-Дроздовского на историю русского права в целом сложились в 1870-е гг. и в дальнейшем не претерпели серьезных изменений. Определившись с основной концепцией в ходе написания магистерской диссертации (особенно в начале чтения университетского курса [7; 9]), он впоследствии свои труды посвятил исключительно внешней истории русского права и проблемам терминологии памятников древнерусского законодательства [4; 5; 11; 12]. Конкретные историко-юридические исследования П. Н. Мрочек-Дроздовского, выросшие из семинарских занятий, наполнили содержанием его общий курс лекций по истории русского права до конца XVII столетия, изданный единожды в 1892 г., но не коснулись изначальных взглядов, в чем его упрекали еще современники [12]. Поэтому он не пользовался популярностью, сильно уступая подобным трудам. Но, несмотря на устаревшие подходы, формализм, юридический догматизм, П. Н. Мрочек-Дроздовский, прекрасный знаток и критик исторических источников, выделяется своеобразной концепцией, отобразившей переходный период в развитии отечественной историографии. Его взгляды страдали эклектизмом и находились между учениями славянофилов и западников, между исторической и государственной школами права.

Главной задачей научного изучения истории русского права П. Н. Мрочек-Дроздовский провозглашал раскрытие основной идеи, основного закона человеческого общежития, высшею формой которого является государство, а основным признаком его – это верховная власть. Отсюда она «есть то начало, на котором должна быть построена история права. Периоды развития верховной власти данного государства суть в то же время и периоды развития права народа, живущего в этом государстве» [7. С. 121]. Устанавливая теоретически периоды в истории того или иного народа (стадия рода, период племенной жизни, государство), П. Н. Мрочек-Дроздовский соотносит их с историей власти. О первой стадии из-за скудости источников мало что известно, считал историк. К тому же во время существования родового быта, относимого к периоду колонизации славянами Восточной Европы, «управление, принадлежавшее родоначальнику, было чрезвычайно просто и все сосредоточивалось в нем одном». Поэтому его, как и С. А. Петровского, этот период не интересовал, он был за гранью собственно истории («докняжеское

время») [9. С. 5; 14. С. 2]. Достоверная история начинается со второго периода. «Здесь уже яснее выступают отношения управляющих к управляемым, власти и подчинения. Отношения родичей переходят в отношении единоплеменников», появляется племенное правосознание. «В нем вырабатываются те начала, которые обосновывают будущее государство, – та специальная форма, в которую государство отливается». При благоприятных условиях государство создает известное племя, объединяющее окружающие племена, подчиняющее их своему господству силой или мирным путем, становящееся их законодателем. В этом правовом союзе является общая власть, соединяющая разноплеменную массу людей [7. С. 121-124]. Обращаясь к истории русского права, историк констатирует, что свидетельства летописей застают славян в племенной жизни, с зачатками общественного строя – народоправства, выражающегося не в совете родичей, а в собрании целого племени (вечевое начало) и единоличного правления (княжеское начало). Это древняя история русского права. «С течением времени, вследствие различных причин, начало единоличное берет перевес... Над собранными воедино племенами возвышается власть князя», которая объединяет собственные племена и иные национальности в народ. «Подавляя начала народоправства, власть князя, сообразно правосознанию того времени, вообще обращается в собственность: князь делается собственником объединенной земли и господином объединенного народа. Это средневековый период истории русского права». Далее с Петра Великого следует новое время. Таким образом, «эти три периода обозначают развитие того начала, которое мы приняли за основную идею нашей системы: начала верховной власти» (Там же. С. 124-127). Такова теория, с которой П. Н. Мрочек-Дроздовский подошел к собственно историческому изучению русского права. Его общий курс лекций делится на две части до Судебника 1497 г. и от Судебников до издания Соборного Уложения (1498–1649). Это деление в целом соответствовало периодизации, принятой в «Истории русского законодательства» И. Д. Беляева. Однако внутреннее содержание этих периодов модифицируется под воздействием взглядов М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича и др. Соответствуя этому, он делил историю государственного устройства и управления (историю власти) Древней Руси на периоды – Норманский, Киевский и Владимиро-Московский, определяя это время как княжеско-вечевое: с первых князей Рюриковичей до «объединения всей земли под властью Московского великого князя (царя)». Следовательно, отличие между периодами характеризуется, с одной стороны, местом действия, с другой, – особенностями власти и отношением этой власти к обществу. При этом во многих своих работах историк подчёркивал отсутствие резких границ между данными этапами, эволюционность развития верховной власти. И даже татаро-монгольское иго – лишь условный рубеж перехода от Киевской к Московской Руси, от древнего периода к средневековому [3. С. 74, 76].

В Норманский период, «время первых русских князей до введения христианства при Владимире Святом», по мнению П. Н. Мрочек-Дроздовского, устанавливается власть на Руси путем призвания северными славянскими племенами варяжских князей («Рюриков род»), долженствовавших вводить порядок и решать споры. Это важнейшее событие в русской истории, считал исследователь, так как оно определило дальнейшие отношения власти и общества. При этом «факт призвания варягов объясняется случайностью – более близким знакомством северных племен со скандинавскими выходцами». Историк констатирует, с одной стороны, «отсутствие наряда, т. е. власти» среди «славяно-русских племен» в «докняжескую эпоху», «невозможность самопримирения и самозащиты», с другой стороны, утверждает, что «князья-норманы» везде застали готовый общественный строй в виде «племенных волостей», живущих земско-общинным бытом, с центрами в земских городах и зависимыми от них пригородами. Общество в это время уже разделено на классы: «нарочитых, или лучших мужей» – «лиц, стоящих во главе управления» («старцы градские») и простых свободных людей, участвовавших в общественных делах на вече «непосредственно, а не чрез представителей». Однако «власть, вводящая порядок и решающая споры, непременно должна быть безусловно высшею, или верховною, в том обществе, в котором она действует; таким образом, призванным князьям предоставлена верховная власть над призывавшими, поскольку понятие верховной власти было доступно и самим князьям того времени и тому обществу, в среде которого этим князьям надлежало действовать» [5. С. 19-20; 6. С. 5-8, 64-67, 188; 9. С. 6]. Отсюда П. Н. Мрочек-Дроздовский выступал против теории завоевания славян «варяго-руссами» и утверждал о мирном захвате Олегом территории «по изстаринному пути “из варяг в греки”». Так как «власть Олега не была больше власти хазар и аскольдовых варягов, а внешняя безопасность при Олеге не могла быть меньше, чем при его предшественниках», славянам незачем было сопротивляться. Вручение князю, предводителю дружины, власти предполагало, прежде всего, его личные действия в сфере управления, суда и внешней безопасности. Но княжеская власть в этот период, по словам

историка, характеризовалась «бродническим нравом», не устанавливала государственного порядка, так как князь видел в ней лишь источник доходов. «Норманские витязи» по отношению к подвластным племенам взимали дань, для чего основывали дружинные поселки и княжеские города и требовали земской помощи в своих походах на Византию, кочевников или иные племена. «В это время князь-норман со своею дружиной смотрит на славянскую землю только как на доходную статью и как на ближайший знакомый ему путь к пределам Византии», то есть он «не был правителем, государем в нашем смысле этого слова: он действовал не для земщины, а для себя», стремясь к добыче, пользуясь своей свободой передвижения. «Вследствие этого, во внутренней жизни подвластных племен ... не могло произойти никаких изменений; все оставалось по прежнему, как было до князей». Таким образом, П. Н. Мрочек-Дроздовский констатировал в социально-политической истории «Славяно-русского княжества» действие двух начал, двух типов власти – княжеско-дружинного и земско-вечевого, которые в первый период «стояли особняком, не сливаясь друг с другом». «Для этого требуется знакомство с земскими потребностями, внимание к взглядам и стремлениям земского общества: но у князя-нормана своя цель, свое стремление, ничего общего с землею не имеющие». Ситуация меняется в княжение Владимира, который «делается первым оседлым князем на Руси ... и открывает собою длинный ряд князей-нарядчиков, князей-страдальцев за Русскую землю» [3. С. 74, 79-80; 5. С. 203-204; 6. С. 5-6, 9-15, 70; 9. С. 6-7].

Необходимо заметить, что против характеристики начального периода русской истории «норманским» выступал вслед за С. М. Соловьевым С. А. Петровский, считая, что князья и их дружины быстро растворялись в славянской массе, а численность норманов была незначительной. Так что они, как «искатели приключений», наёмники, «без стремления осесться», не могли играть важной роли. К тому же в тот период и у норман, и у славян существовал «младенческий взгляд на значение князя, его власть, на свои отношения к нему, к государству, к своим обязанностям и к службе» [14. С. 4-5].

В Киевский период, «время от принятия христианства до занятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского (1169 г.)», согласно исследованиям П. Н. Мрочек-Дроздовского, начинается сближение интересов князей с земщиною. Расширяются судебные и административные функции княжеской власти. Причем земский устав (общий строй управления), по мнению исследователя, «всегда является, как устав княжеский, и составляет внешнее выражение обязанности князя устанавливать и утверждать определенный наряд в Русской земле» на свой страх, то есть лично управлять, судить и взимать налоги. Это прямо вытекало из акта призвания земщиной князей и дарования им устава. В их обязанность входит и управление военное, обеспечение внешней безопасности, так как оно не было отделено от гражданского. В то же время в судебной деятельности князь «был только выразителем взглядов земщины на право и неправу в каждом отдельном случае», – писал историк. Князь-судья должен был прислушиваться к гласу народа. Тем самым П. Н. Мрочек-Дроздовский считал необходимым разделять многозначные понятия «устав» и «правда», основанные на различии «двух основных сфер княжеского владения на Руси: власти правительственной, уставляющей определенный наряд, и власти судебной, разрешавшей споры на основе народного права», обычаев. Отсюда, если «в уставных грамотах, главным образом, определяется общий строй управления как правительственного (администрации), так и местного (самоуправления): вопросы суда разрешаются здесь главным образом со стороны права князя и его чиновников кормиться от отправления правосудия». В неразрывной связи с уставом и правдой находилась законодательная деятельность князей. Поэтому возможность устанавливать основной закон есть сфера собственно княжеской юрисдикции. Однако и здесь, считал П. Н. Мрочек-Дроздовский, «князь является главным образом лишь в качестве писателя народных обычаев». Таким образом, «влияние князей по отношению к земщинам было чисто внешним: княжеское управление не проникало в вечевые порядки, оно касалось только фактов выдающихся» [3. С. 79-80; 5. С. 37-38, 42, 175-176, 198, 203-204, 276, 280; 6. С. 15, 46-47, 51-53, 70-71, 251-253; 9. С. 6-8]. О хозяйственной деятельности князей, их землевладении историк-юрист не пишет почти совсем, упоминая лишь два главных источника казённых доходов: во-первых, дань и откупа по её сбору, во-вторых, разнообразные пени (виры и продажи) с пошлинами [6. С. 61–64]. В другой своей работе он выделяет ещё рабовладение, как составлявшее главное богатство князей и одну из целей их походов [5. С. 285-286].

Наибольшее внимание П. Н. Мрочек-Дроздовский уделял проблеме междукняжеских отношений и «столопреемства», считая, что они «направляют весь ход русской истории удельно-вечевого времени», определяют и объясняют те изменения, которые происходили в положении великого князя относительно удельных, равно как между старшими и младшими князьями в уделах, и положение земщины относительно князей. В решении этого вопроса историк полагал о существовании руково-

дящего начала родового старейшинства как права наследования внутри княжеского рода в целом (власть великого князя и её связь с Киевом, стольным городом всей Русской земли, наследует старший в роде), так и в отдельных его линиях по теории «лествичного восхождения» (передача власти удельных князей также не была семейной, по отцу, а родовой). Существование данного права было «освящено преданием и признавалось безусловным», то есть «основным законом междукняжеских отношений» в течение всего Норманнского и Киевского периодов. Впервые эти «начала отношений между князьями подробно устанавливаются в завещании Ярослава I». Хотя в нём нет ничего нового, считал П. Н. Мрочек-Дроздовский. По традиции «Киев, как старейший удел, принадлежал всему княжескому роду, а не семье того или другого великого князя». Отсюда обладание «великокняжеской властью, считалось в рассматриваемое время, держанием всей Русской земли». Поэтому великий князь Киевский, стоявший во главе княжеского рода, «как отец, должен был охранять интересы всех остальных князей и в случае необходимости помогать им». Иногда он распоряжается, судит и даже наказывает их. Однако, замечает П. Н. Мрочек-Дроздовский, «права и обязанности великого князя не были чем-либо твердо установившимся и непоколебимым: они зависели от добровольного признания их со стороны младших», владеющих своими уделами и возглавляющих дружины. «Таким образом, младшие князья по отношению к великому князю пользовались самостоятельностью, и эта самостоятельность нередко приводила к разрыву семейных связей», а частью и вассальных. Он «должен был обращаться с ними как с равными себе» [5. С. 175-176; 6. С. 15-22, 30-32, 49-50; 9. С. 7-8].

В дальнейшем, в течение Киевского периода, со всё большим размножением князей и запутанностью междукняжеских отношений «родовые начала княжеского быта разлагаются», постепенно утрачивая своё безусловное значение, а в следующем периоде и вовсе исчезают, «уступая место иным основам». Среди этих основ, ограничивавших родовое старейшинство, П. Н. Мрочек-Дроздовский называл пять: отчинное (семейное) право; личное право (право сильного); народное право (вечевое право избрания князей народом было мирным или во время мятежей); междукняжеские договоры (ряды были общие, в которых участвовали все наличные в данное время князья, заключались на съездах и частные, между некоторыми князьями); и представление о старейшинстве старших племянников сравнительно с младшими дядями. Иногда эти права совпадали с правом родового старейшинства, иногда нарушали, противоречили ему и друг другу [5. С. 213; 6. С. 22-30, 32].

С «Андрея Боголюбского, основателя нового строя междукняжеских отношений и прочной связи князя с землёю, – власти с обществом» начинается новый период – Владимиро-Московский. В это время кровные отношения заменяются договорными, «вследствие этого, значение великого князя, как безусловного старейшины, исчезает» и на первый план выдвигается наследование сына по отцу (семейное старейшинство), которое сталкивается иногда с личной волею сильного и умелого князя-владельца. В то же время в Новгороде, Полоцке, где с половины XII в. положение князей было зависимое и непрочное, и в других княжествах утверждается народное право избрания князей [6. С. 27-30, 32-33].

Что касается веча, как второй формы верховной власти в Древней Руси, то П. Н. Мрочек-Дроздовский пишет о нём крайне мало, хотя и выделяет его в составе власти. Для такого историка-юриста история русского государственного права – это в основном княжеская история, где главное – уследить за развитием княжеской власти. В отличие от власти князей вече у него не эволюционирует, существуя «искони у всех русских племен» до татаро-монгольского нашествия, которое, разрушив богатство городов, дало начало упадку вечевого строя. В составе вечевых собраний, считал он, имели право участвовать все свободные люди. Собирались они не периодически, «смотря по потребности, или самим народом, или князем», и «происходили без соблюдения какого бы ни было определенного порядка». «Жители пригородов принимали участие в вечевой жизни главных городов своей волости», а сильные пригороды могли решать важнейшие вопросы на своём вече, но и они «при известных обстоятельствах выказывали покорность городу». «Вече созывалось не на известное время, – подчеркивал историк, – а только для решения определенного вопроса и продолжалось, пока этот вопрос не был улажен». Таковыми вопросами были: 1) призвание князей. Здесь П. Н. Мрочек-Дроздовский не признает это право избрания безусловным, как и обязательность заключения ряда (условий) между князем и вечем. «Иногда сила князя превышала силу веча, вследствие чего перемена князей не удавалась» по желанию народа. 2) Вопросы о войне и мире, наоборот, являлись постоянной заботой вечей, «так как для того, чтобы вести войну, князья часто нуждались в земской помощи, в которой вече могло отказать своему князю». 3) «Народ на вечах постановлял жаловаться князю на его чиновников и просил защиты от их притеснений». В итоге «сила веча обуславливалась как могуществом городов,

так и слабостью княжеской власти», которая стала усиливаться лишь со второй половины XII в. с приобретением князьями прочных земских связей [5. С. 19-20, 276; 6. С. 27-28, 42-46].

Княжескую думу, в отличие от веча, П. Н. Мрочек-Дроздовский не включал в сферу самостоятельной власти, описывая её в общем курсе лекций в отдельном разделе об органах управления, так как считал, что ей не принадлежали независимые властные функции. Обязанности верховной власти были возложены обществом на князя безраздельно с его дружиной. Однако в реальной жизни народа князь не мог править лично всею землей, ему необходима помощь. Поэтому княжеская дума рассматривается как постоянный совет князя, состоящий из старших дружинников (бояр). «По свидетельству летописи, думцы имели сильное влияние на князей». «Все важнейшие дела решались в княжеской думе». «Иногда князья под влиянием совета дружины действовали вопреки своим желаниям или убеждениям», так как «если князь предпринимал что-либо без совета с дружиной, то дружина отказывала ему в поддержке». Это было следствием того, что «связь дружины с князем держалась на личном желании дружинников», свободных в переходе к другому князю и на взаимной любви соратников, связанных единством интересов, воззрений и общностью военной жизни, «братством названным». Свидетельство всего этого П. Н. Мрочек-Дроздовский находит в былинах, чему посвятил даже специальное исследование [8]. Эволюция княжеской думы и её отношение к земскому обществу, по П. Н. Мрочек-Дроздовскому, выглядит следующим образом. В Норманском периоде князья советовались не только со своими боярами, но и с «старцами градскими», то есть с земскими старейшинами города», входившими в общий княжеский совет. В Киевском периоде под влиянием христианства происходит постепенное слияние дружины с земщиной, появляются не только княжеские бояре, но и земские. «Дружина, таким образом, мало-помалу привыкает к жизни оседлой, а в XII веке уже владеет землями, сливаясь с земщиной в единстве интересов». Это уже не бродячие люди, а земельные собственники. Во Владимиро-Московском периоде, когда княжеская власть возвысилась над всеми, «и когда князь, глава дружины, сделался главою государства, а бояре из дружинников, соратников обратились в подданных: тогда прежняя княжеская дума, дружинный совет с вольными голосами, исчезает; является Дума Боярская, – учреждение совещательное при князе-государе, с определенным порядком делопроизводства». Само имя дружины начинает исчезать, «превращаясь в служилый класс» [5. С. 42, 255; 6. С. 51, 54-55, 67-68, 70-71; 9. С. 6-9; 10. С. 12-14]. Таким образом, дума являлась не самостоятельным органом власти по отношению к князю и вечу, но деятельной силой, основанной на вольной службе князьям. Некоторая зависимость князя от дружины обуславливалась тем, что она в то время составляла главную силу его. Поэтому служба дружинников князьям рассматривалась ими не столько как обязанность, сколько как право, приносящее доход (Ср.: [14. С. 5-12]). Стоит также заметить, что взгляды С. А. Петровского на княжескую думу несколько отличались от точки зрения П. Н. Мрочек-Дроздовского. С. А. Петровский не был столь уверен в её составе и больше замечал неопределенности в отношении к князю. «Князь мог совещаться с кем хотел» и «о тех вопросах, какие находил нужными обсудить». В итоге историк заключал: «Частные отношения между князем и его дружинниками до такой степени преобладают, что мы положительно затрудняемся причислить княжескую думу к одному из органов управления». Она лишь факт думанья князей с дружиной, без всякого юридического значения [14. С. 12-14].

Итак, можно подвести некоторые итоги взглядам, прежде всего, П. Н. Мрочек-Дроздовского на верховную власть в Древней Руси, которые, несомненно, отличались эклектическим характером. При этом необходимо понимать, что он долгое время читал основной университетский курс истории русского права, вёл ежегодные семинары, посвященные главным историко-правовым источникам древности и, бесспорно, влиял на историографический процесс, особенно в переходную эпоху конца 1870-х – 1880-х гг. Однако в самом конце XIX – начале XX в. его подходы и исторические взгляды уже считались устаревшими. В энциклопедической статье того времени о П. Н. Мрочек-Дроздовском можно прочесть следующее: «для него новый архивный факт важен как самостоятельная цель; обзор “внешней” истории права, вопросы о внешних гранях периодов истории русского права, объяснение отдельных слов, вне связи их с бытом – наиболее привлекательные, с его точки зрения, задачи историка. Его труды, иногда представляющие собою сборники ценных материалов (например, “областное управление”), не дают, поэтому освещения старой русской жизни» [12]. И тем не менее общие выводы историка во многом совпадали с дальнейшими поисками в области истории развития верховной власти Древней Руси. Так, П. Н. Мрочек-Дроздовский констатировал: «В Киевском периоде русской истории власть воплощается в двух факторах: в князьях и вечах; при этом центр тяжести лежит несомненно в последнем факторе, т. е. в вечах. Это верно не только по отношению к северным республикам, каковы: Новгород и Псков, но и относительно Приднепровья, где княжеская власть была более самостоятель-

на». Самостоятельность земской власти, «вечевого строя жизни», объясняется отсутствием у князей чисто государственных интересов, а проявляется в изгнании их и принуждении действовать в интересах общества. Как только родовые отношения начали исчезать, князья начинают организовывать государственную политику и княжеское начало берет перевес, а земская самостоятельность исчезает, так как она «не может ужиться с монархическим строем государства». При этом вечевого строя того времени, считал историк, нельзя назвать государственным строем демократических республик. И в князьях, и в народе господствовали частные интересы, личная воля и благо вместо общих, свойственных государству. Таким образом, власть в первый период не носила государственного характера. Впрочем, и в целом в тогдашнем обществе существовала непрочность и неопределенность всех отношений. Соотношение двух форм верховной власти П. Н. Мрочек-Дроздовский понимал так же, как и славянофилы, считая князя наделенным внешней властью, а земщину – внутренней. Отношения между ними строились как отношения «наемника к нанимателям», с различными интересами, противоречия между которыми вызывали борьбу и в конечном итоге потерю самостоятельности, но только с XIII в., князя в Новгороде, а веча в Московской Руси. В Галицкой земле у власти оказались дружинно-земские бояре. При этом переход к государственным отношениям совершался постепенно, без резкой грани, часто констатировал историк [5. С. 185; 6. С. 71, 76; 7. С. 128, 130-131; 9. С. 8-9].

В течение почти 30-летнего пребывания П. Н. Мрочек-Дроздовского на кафедре истории русского права Московского университета и столь продолжительного руководства ею не была сформирована научная школа. Видимо этому не способствовали ни личные, ни общественные, ни научно-педагогические качества ученого. Ни одному из оставленных им на кафедре для подготовки к магистерским экзаменам не удалось представить и защитить даже диссертации на степень магистра¹. Те, кто при нем занимал кафедру в качестве приват-доцента (А. Н. Филиппов и П. И. Числов), читали историю русского права московского и петербургского периодов (от Соборного уложения до издания Свода законов) и были далеки от исследования проблем Древней Руси. При этом Александр Никитич Филиппов (1853-1927)² после защиты магистерской диссертации «О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой» (1891) воспользовался возможностью самостоятельно занять кафедру государственного права в Дерптском (позднее Юрьевском) университете и покинул Москву³. В таких условиях отсутствия местных кадров, прежде всего, для преподавания начальных периодов истории русского права на кафедре в 1894 г. появляется Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911), воспитанник Петербургского и бывший профессор Варшавского университета, а также управляющий Московским архивом Министерства юстиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дербин Е. Н.* Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.
2. *Милоков П. Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002.
3. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юрид. вестн. 1884. № 5/6 (Май/Июнь). С. 74–131.
4. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Исследования о Русской Правде. М., 1881. Вып. I: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды.
5. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Исследования о Русской Правде. М., 1885. Вып. II: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов.
6. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* История русского права. М., 1892.

¹ Числов Петр Иванович (1888), Урусов Петр Дмитриевич (1894), Солодовников Александр Дмитриевич (1895), Стратонитский Конкордий Андреевич (1896), Шелапутин Борис Павлович (1897), Шабер Иван (1899), Сыромятников Борис Иванович (1900). – В скобках указан год оставления при университете.

² Окончил юридический факультет Московского университета в 1879 г., и был оставлен на два года для приготовления к магистерским экзаменам (1880–1882), по выдержании которых с ученой целью находился в командировке за границей и в России (1883–1885). Затем приват-доцент по родной кафедре (1885–1892) [21].

³ В 1895 г. в Московском университете он защитил докторскую диссертацию на тему «История Сената в правление Верховного Тайного совета и кабинета. Ч. I. Сенат в правление Верховного Тайного совета», которая в принципе может рассматриваться в русле диссертаций С. А. Петровского и П. Н. Мрочек-Дроздовского, как стремление к изучению государственных учреждений России XVIII в., а не систем русского права. В этом уже тогда видели некоторую тенденцию московских диссертаций, или даже «главное направление Московского университета», не только историков-юристов, но и собственно историков (В. Е. Якушкина, П. Н. Милокова) [2. С. 359].

7. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* История русского права как предмет университетского преподавания (Вступительная лекция, читанная в московском университете 27 октября 1877 г.) // Юрид. вестн. 1878. № 2 (Февраль). С. 117-137.
8. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* О древнерусской дружине по былинам: Речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. ун-та 12 янв. 1897 г. М., 1897.
9. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М., 1876. Ч. I: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.).
10. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Старшая дружина на службе московских государей: (Окольничие и бояре введенные). М., 1899.
11. Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич // Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911. С. 197.
12. Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XX: Московский университет – Наказания исправительные. С. 100.
13. *Новиков Л. А.* Петровский Сергей Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4: М–П. С. 590-591.
14. *Петровский С. А.* О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875.
15. *Петровский С. А.* Предисловие // Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. V-VIII.
16. *Платонов С. Ф.* Рец. на: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909 // ЖМНП. Нов. сер. 1909. Ч. XXII. Июль. С. 213-216.
17. *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993.
18. *Рубаник В. Е.* История суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейших диссертационных исследованиях // История государства и права. 2013. № 1. С. 15-18; № 2. С. 37-39.
19. *Самоковасов Д. Я.* Исследования по истории русского права: Вып. 1–2. М., 1896. Вып. 1. Предисловие. Введение. Критический обзор теорий догосударственного быта русских славян.
20. *Сыромятников Б. И.* История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. Вып. IV (Апрель). С. 5-18.
21. Филиппов Александр Никитич // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1902. С. 636-638.

Поступила в редакцию 17.01.14

E.N. Derbin

THE SUPREME POWER OF OLD RUS IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS OF LAW BY MOSCOW UNIVERSITY AT THE END OF XIXTH – BEGINNING OF XXTH CENTURIES

The article considers the problem of supreme power of Old Rus in the works of Russian historians of Law by Moscow University at the end of XIXth – beginning of XXth centuries. The analysis of the following institutions of supreme power is performed: the sovereignty of Prince, Veche, Duma by Prince and a wide range of correlated historiographical issues: the origin and evolution of the subjects of power; their nature, sources, functions and possibilities; acquisition, continuity and the ways of its implementation; the relations between Princes, etc. The study of this problem by the staff of Moscow University in the pre-revolutionary period is shown. There is a lack of continuity in approaches and views of historians of Law in this University, researching a history of State and Law in pre-Mongol Russia. The author describes their role in studying this problem.

Keywords: sovereignty of Prince, Veche, Duma by Prince, Russian historians of Law by Moscow University, S. A. Petrovsky, P. N. Mrochek-Drozдовsky, A. N. Filippov.

Дербин Евгений Николаевич,
кандидат исторических наук, докторант
ФГОУВПО «Санкт-Петербургский государственный
университет»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: derbin80@mail.ru

Derbin E.N.,
Candidate of History, doctoral candidate
St. Petersburg State University
199034 Russia, St. Petersburg, Mendeleeva line, 5
E-mail: derbin80@mail.ru